

МИФ И ЯЗЫК В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖ.Р.Р. ТОЛКИНА («СИЛЬМАРИЛЛИОН»)

О.С. Потапова

В переводе с греческого *μῦθος* означает *слово* и, по мнению А.А. Тахо-Годи, выражает обобщенно-смысловую наполненность слова в его целостности. Таким образом, миф можно назвать словообобщением чувственного восприятия мира. Толкиновское понимание соотношения слова (языка) и мифа сводилось к утверждению того, что язык порождает мифологию.

Дж.Р.Р. Толкин не оформил свою концепцию должным образом, и судить о ней можно только по отрывочным замечаниям в статьях и письмах. Обусловлено это прежде всего тем, что большую часть своих сил он направлял не на теоретические изыскания, а на практическое языкотворчество и мифотворчество. Причем мифотворчество — явление вторичное, первичным являлось языкотворчество; легенды следовали за языками — этот факт Толкин подчеркивал постоянно. Прежде всего Толкин был лингвистом, профессором Оксфордского университета (на кафедре истории английского языка и литературы), и только после этого — писателем, хотя большей части читателей он известен только как писатель.

Несмотря на то, что кафедра Толкина специализировалась на изучении и языка, и литературы, для профессора на первом месте всегда стоял язык, и причины этого легко обнаруживаются при обращении к фактам его биографии. С самого раннего детства Толкин изучал языки — сначала вместе с матерью (а она знала латынь, немецкий и французский, помимо родного английского), затем в школе (где он выучил англосаксонский, греческий и, по чистой случайности, готский); сильно сказалось и влияние опекуна, который был наполовину испанцем. В колледже Толкин занялся изучением валлийского языка, но самым значительным событием того периода жизни стало знакомство с финским языком, ведь именно финский побудил его взяться за перо. Толкина восхитила и очаровала «Калевала», и свод его легенд возник из стремления «переписать» «Калевалу», и в первую очередь — трагическую историю Куллерво.

Еще в юности Толкин почувствовал тягу к языкотворчеству — он говорил на искусственно созданном группой школьников языке Невбоше и даже пополнил его словарь и подправил орфографию. Позднее, уже самостоятельно, Толкин создал язык Наффарин, на который оказали влияние английский, испанский и латинский языки. Но это были лишь подступы к истинному языкотворчеству, ведь Толкин был убежден, что для создания игрового языка, для того, чтобы этот язык стал настоящим и приобрел все качества языка естественного, следует измыслить, хотя бы приблизительно, соответствующую мифологию. И не только потому, что стихи на искусственном языке (а на своем языке Толкин писал в основном поэтические произведения) тяготеют к объединению в циклы мифологического характера, но и потому, что создание языка и создание мифологии взаимосвязаны и вытекают одно из другого. Или, точнее, словами самого Толкина, «язык и мифология родственны и даже единовременны друг другу: лишь мифология придает языку индивидуальность и лишь язык наделяет мифологию достоверностью, причем эти личные индивидуальность и достоверность существуют в русле традиции, будь то мифо-

поэтическая традиция архетипов или европейская фонетическая традиция. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что язык порождает мифологию»¹.

Вопросом соотношения языка и мифа занимались многие ученые; чтобы не быть голословной, я приведу несколько точек зрения на эту проблему. Для начала хочу обратиться к воззрениям Макса Мюллера, который считал, что миф — это болезнь языка и первоначальное значение слова (т.е. более раннее, домифическое) и связанной с ним мысли гораздо возвышеннее мифа. Иную точку зрения мы находим у Кассирера, который считал, что общая структура мифического мышления тождественна первично-языковому сознанию и связь их настолько генетична, что языковые представления и звуковые комплексы рождаются одновременно с мифическим образом. Язык и миф, следовательно, параллельны, и общая, рождающая их стихия, есть первобытное сознание. Теорию, похожую на воззрения Толкина, мы находим у А.А. Потебни. Он считал, что поэтическая деятельность является прямым продолжением и аналогом деятельности языковой, а мифологическое сознание — это особый тип и особая стадия эволюции поэтического сознания, предшествовавшая стадии собственно поэтической. Для Потебни миф генетически — явление языка, и возникает он из слова и при помощи слова, для него немислимо предположение о существовании мифа помимо слова.

Дж.Р.Р. Толкин считал, что язык (как орудие мышления) и миф появились в нашем мире одновременно. Человеческое сознание, наделенное способностью обобщать и абстрагировать, воспринимает не только *зеленую траву*, отличая ее от всех других объектов, но видит также, что, будучи *травой*, она еще и *зелена*. Огромное значение в развитии мифа и мышления имело изобретение прилагательного. Это сильнейшее магическое средство, ведь любое заклинание можно рассматривать как разновидность прилагательного, как часть речи в грамматике мифа. Человеческое мышление, породившее такие слова, как *легкий*, *тяжелый*, *серый*, *желтый*, *неподвижный*, *быстрый*, породило и волшебство, которое может тяжелые предметы делать легкими и способными летать, может превратить серый свинец в желтое золото, а неподвижную скалу в быстрый ручей. Отделяя признак предмета от реального объекта, мы можем затем придать этот признак совершенно иному предмету или живому существу, и у нас получится мертвенно-зеленое лицо, синяя луна, лес с серебряной листвой или овцы, покрытые золотым руном.

Очевидна связь и между некоторыми мифическими именами, названиями и природными реалиями. Возьмем, к примеру, скандинавского бога Тора (или Донара в немецком варианте) — его имя в переводе с норвежского означает «гром», а его молот Мьелльнир легко ассоциируется с молнией. Причем черты характера и внешность Тора соотносятся с этими метеорологическими явлениями: рыжая борода, громкий голос, яростный темперамент и бешеная, всепокрушающая сила.

Связь между языком и мифом очевидна — это должны были проиллюстрировать приведенные выше факты. Однако в случае с Толкином важна не столько проблема связи языка и мифа, сколько вопрос о связи языкотворчества и мифотворчества. В жизни Толкина было две страсти — языки и мифы (в особенности героические предания на грани волшебной сказки и исторической хроники). Любовь к языкам и увлечение мифологией долгое время соприкасались, перетекали одно в другое и наконец слились настолько, что сам Толкин не мог уже определить, где заканчивается языкотворчество и начинается создание мифа.

Язык и имена для профессора Толкина были неотделимы от сюжета, фонетическая и графическая формы слова порождали художественный образ. Вначале были языки, легенды появились потом.

Если обратиться к теории Потебни, то мы столкнемся с утверждением, что создание нового мифа состоит в создании нового слова, а ведь языкотворчество Толкина оборачивалось словотворчеством (о чем речь пойдет дальше). Чтобы не ограничиваться только воззрениями Потебни, можно привести точку зрения Кассирера, который считал процессы словотворчества и мифотворчества параллельными и объяснял это отождествлением звукового комплекса с соответствующим содержанием сознания, результатом чего является тождество мифического образа и языкового понятия. О связи мифа и языка говорили также Лосев и Тахо-Годи.

Толкина, как «измыслителя» языков, больше всего привлекало конструирование словоформ, а в этом конструировании — сочетание звука и смысла. Проблема сочетания формы слова и его значения до сих пор является нерешенной окончательно. Ученые-лингвисты не могут дать исчерпывающий ответ на вопрос о том, каким образом, на основании какого механизма форма слова, его звуковая оболочка соединяется со значением, почему та или иная форма наделена именно данным значением, а данное значение сочетается с той или иной формой; зависят ли фонетические изменения от изменений значения, а изменения значений — от изменений фонетической формы или они независимы друг от друга, как в свое время считали лингвисты XIX века? Ф. де Соссюр провозглашал абсолютную произвольность знака, но эта точка зрения не охватывает всех слов, ведь нельзя забывать о фоносемантических словах, которых насчитывается до 20% практически во всех языках — это слова, в звуковом рисунке которых мы можем узнать предмет (капля, взрыв, jump и т.д.). Якобсон, занимавшийся проблемой значения звука, говорил об относительной произвольности знака. М.М. Маковский определял слово как диалектическое единство двух различно структурированных комбинаторных сред (на уровне фонетики и на уровне семантики), что в свою очередь свидетельствует о неразрывной связи его формы и значения. И.Г. Франк-Каменецкий утверждал, что произвольно созданных образов нет, их творчество вызвано своеобразным осознанием мира: конкретные черты, все время в них присутствующие, содержат в себе былые представления, буквальный смысл которых со временем выветривается.

По этому поводу нельзя не обратиться к теории слова Потебни, который традиционной двучленной структуре слова (значение — звук) противопоставляет трехчленную (значение — внутренняя форма — внешняя форма). Внешняя форма — это звуковая оболочка, внутренняя — это представление, компонент, посредствующий между значением и звуковой формой. Внутренняя форма представляет, замещает, символизирует содержание образа, ее можно обозначить как образность, которая является главным условием поэтичности. Словами с внутренней формой являются: голубь (от слова *голубой*), подснежник, подсолнечник, перекасти-поле и многие другие. По мнению Потебни, всякое слово при своем рождении поэтично, т.е. имеет внутреннюю форму, этот элемент — самый подвижный из трех, слово может утрачивать внутреннюю форму и становиться двучленным, необразным, прозаическим. Путь развития слова — от образности, сначала мифологической, затем метафорической, к отвлеченности, понятийности. У Толкина мы встречаемся с образностью мифологической, внутренняя форма присутствует практически во всех словах искусственных языков, что и будет показано в дальнейшем на конкретных примерах.

Процесс воссоздания мифологической образности в словах искусственно созданного языка можно обозначить термином *лингвопоэтика* (или *персональная лингвопоэтика*², как называл ее сам Толкин).

Создание новых словоформ не является таким простым, каким кажется на первый взгляд; действительно оригинальное слово удается создать крайне редко, т.к. автор постоянно находится под влиянием языковой традиции. Личное и традиционное переплетены практически неразрывно, что и обуславливает тот факт, что чаще всего словоформы создаются с оглядкой на понравившийся язык. Если обратиться к наиболее проработанным языкам, созданным для мира Арды Толкином — квенья и синдарину, то мы увидим, что многие слова соотносятся со словами традиционных индоевропейских языков. Я приведу ряд примеров в подтверждение своих слов.

El (звезда) ← лат. *stella*, фр. *étoile*, алб. *hyll*, хет. *wallas* со значением *звезда*;

Amon (холм, гора) ← лат. *mons*, валл. *mynydd*, и.е. **akmen-*, брет. *menez*, англ. *mountain*, фр. *montagne* со значением *гора*;

Val (власть, могущество) ← лат. *valens* (сильный), тохарск. *wäl* (царь), др.инд. *bala* (сила);

Ven (дева) ← др.англ. *swen* (женщина), англ. *wench* (девушка);

Mog (темный, черный) ← англ. *mortal* (смертный), фр. *mort* (смерть);

Fea (дух) ← др.англ. *feorh* (душа).

Примеров можно найти еще очень много, это требует лишь серьезной работы со словарями, но мне кажется, что и этого количества достаточно, чтобы показать, как Толкин с помощью языкового чутья и знания многих языков создавал слова, которые можно соотнести со словами естественных языков.

Далее я хочу обратиться непосредственно к анализу языков, которые Толкин измыслил для мира Арды: у каждого народа Средиземья был собственный язык (причем у некоторых из них языков было несколько), кроме того, особый язык был у прислужников Черного Властелина и у валаров. При всем многообразии языков и наречий Арды между большинством из них при внимательном рассмотрении можно обнаружить родственные связи — Толкин относился к языкотворчеству исключительно по-филологически: придумывал некий псевдоисторический фон и как бы выводил сконструированное слово из предшествовавшего ему по времени, намечал несколько направлений в развитии языка и смотрел, к каким изменениям словоформ они приведут.

Всего в мире Арды насчитывается девятнадцать языков: валарин, праэльфийский, эльдариин, аварин, илькорин, нандорин, тэлериин, квенья, синдарин, язык энтов, кхуздул, талиска, адунаик, вестрон, ристанийский, дунландский, харадримский, друаданский и Черный язык. Последний стоит в стороне от прочих, т.к. является искусственным языком, созданным Сауроном для того, чтобы повелевать орками и троллями, каждое племя которых говорило на диковинной смеси из различных языков, причем одно племя не понимало другое. Остальные языки (и эльфов, и людей, и гномов) находятся в родстве и восходят к праэльфийскому, который, в свою очередь, происходит от языка валаров — валарина. Все они имели разное время происхождения, использовались разными народами и в разных географических областях, а в случае с синдаринином и квенья — различались культурной областью употребления. Об этих двух языках и пойдет речь далее, т.к. они являются наиболее разработанными у Толкина — на них написана большая часть текстов (тогда как остальные представлены лишь некоторыми именами, названиями или же отрывочными фразами).

Квенийский — язык эльфов Амана, двумя вариантами которого являются ваниарин и нолдорин. По сравнению с другими эльфийскими языками квенийский — язык архаический, сохранивший многие формы праэльфийского языка. После широкого распространения синдарина квенийский язык превратился в церемониальный, им пользовались только в особо торжественных случаях. Несмотря на это, он всегда оставался в употреблении как «язык мудрости» и как основа письменности. Если же говорить о языковой основе этого языка, то сам Толкин выделял три составляющие — латынь, финский и греческий — и часто называл этот язык «эльфийской латынью».

Синдарин — основной эльфийский язык в Средиземье, ведущий свое происхождение от эльдарины. Первоначально он был языком только одних синдаров — эльфов, оставшихся в Белерианде, затем постепенно вытеснил все прочие эльфийские языки, распространенные в Средиземье. В Четвертую эпоху, подобно квенийскому, стал считаться «языком мудрости». Этому языку Толкин сознательно придал лингвистический характер британских и валлийских наречий.

Я уже кратко говорила об эльфийских языках, существующих в разных географических областях, но, на мой взгляд, гораздо интереснее факт создания Proto-Elvish — праэльфийского языка, к которому восходят все наречия эльфов. Именно соотнесение с праэльфийским языком позволяет увидеть родство эльфийских языков и некоторые языковые процессы и законы, которые очень похожи на существующие в естественных языках.

Например:

Синдарийское слово *Aglar* (слава, роскошь, великолепие) соотносится с квенийским *Alkar*, которое характеризуется перестановкой согласных. Имя собственное *Aglareb* в синдарийском наречии соотносится с *Alkarinque* в квенийском и обозначает «Блестательная» (название звезды).

Квенийское *Alda* (дерево) соответствует синдарийскому *Galad*. Сравним: *Aldaron* (квенийское) — «Владыка Лесов» — одно из имен валара Ороме; и *Galathilion* (синдарин) — Белое Дерево Тириона, подобие Тельперииона, сотворенное Йаванной для ваниаров и нолдоров.

Есть и более простые соответствия; например, квенийское *Anga* (железо) имеет синдарийский вариант *Ang*.

Однако есть и слова, родство которых установить гораздо сложнее: от праэльфийского *Mbando* происходят синдарийское *Band* (темница) и квенийское *Mandos* (имя валара); праэльфийское *Mbar*, означавшее и отдельный дом, и место обитания целых народов, проявляется во многих названиях в двух формах: квенийской *Mar* и синдарийской *Bar* (*Valimar*, *Britombar*, *Dimbar*, *Bar-an-Danved*).

Есть случаи, когда первоначальный корень сохраняется в одном языке, но меняется в другом; например: праэльфийский корень *Val* (власть, могущество) сохраняется в синдарийском (*Balrog*, *Balam*, соответствующее *Valar*), но меняется в квенийском языке (*Valar*, *Valaroma*).

Можно продолжать список примеров и дальше, но мне кажется, что и этих достаточно для того, чтобы соотнести праэльфийский, квенийский и синдарийский языки и увидеть некоторые тенденции в их развитии, а именно: перестановку согласных, ассимиляцию, мену согласных, появление согласного в начале слова, начинающегося с гласного.

Если коснуться словообразования, то мы увидим, что основной способ, используемый Толкином, — сложение. Слова с одним корнем встречаются гораздо реже, чем слова с двумя, а то и с тремя корнями; даже слова, на первый взгляд простые,

оказываются при дальнейшем рассмотрении состоящими из двух корней. Например, слово *Morgia* является результатом сложения корня *Mog* (темный, черный) и корня *Ia* (бездна). Кроме этого примера, я хочу привести еще несколько, иллюстрирующих способ словообразования у Толкина:

Alqualonde = *alqua* (лебедь) + *londe* (гавань);

Nan-Elmot = *nan* (долина) + *el* (звезда) + *mot* (сумерки);

Naugrim = *naug* (гном) + *rim* (племя);

Galathilion = *galad* (дерево) + *til* (сиять белым или серебристым светом).

Можно привести и несколько примеров простых, однокорневых слов, но их гораздо меньше:

Teleri ← *tel* (конец, последний);

Tauron ← *taur* (лес);

Falas ← *falasse* (берег, побережье).

Говорить о морфологии и синтаксисе эльфийских языков, судя только по поэтическим текстам и отрывочным замечаниям Толкина, очень сложно; поэтому этой области я касаться не буду, упомяну только о том, что язык эльфов содержал десять падежей и очень сложную систему глагольных форм.

Проанализировав синдаринское и квенийское наречия, я хочу привести несколько примеров и из других искусственно созданных языков: словами илькорина являются *Маблунг* (*Mablung*), *Наугламир* (*Nauglamir*), *Диор* (*Dior*); словами нандорина *Карас-Галадон* (*Karas-Galadon*), *Нимродэль* (*Nimrodel*), *Амрод* (*Amrod*). Язык энтов представлен несколькими фразами и, несмотря на то, что он является родственным эльфийским наречиям, сильно отличается ото всех существующих в Арде. Этот язык «величавый, неторопливый, со множеством повторов и тончайшими оттенками смысла, выраженными в оттенках звука»³; каждое слово в энтийском языке, как правило, очень длинное и представляет собой весьма подробное описание того, что оно означает. Примером может служить слово *Taurelilomea* — *tumbaletaurea* — *lomeanor*, означающее «густая тень в глубоких лесных оврагах», или же часть того слова, которое обозначает холм, звучащее следующим образом: *a — lalla – lalla – tumba – kamanda – lind – or – burime*.

Ото всех других отличается и язык Ристании, который является реально существовавшим англосаксонским языком (сама культура Ристании, основанная на коневодстве, легко соотносится с западно-саксонской Старой Англией). Непохож на все остальные и язык Саурана, грубый и неблагозвучный, полностью соответствующий сущности Черного Властелина и его рабов:

Ash nazg durbatuluk, ash nazg gimbatul,

Ash nazg thrakatuluk,

Agh burzum-ishi-krimpatul.

Перед тем как подвести итоги, я хочу продемонстрировать еще несколько интересных фактов. Я уже ввела утверждение о том, что для Толкина на первом месте всегда стояли языки и зачастую толчком к созданию легенды было какое-либо слово, имя. Например, возьмем энтов — в переводе с англосаксонского слово *ent* означает *великан*. На эту словоформу Толкин вышел следующим образом: в англосаксонской поэме *The Wanderer* (*Скиталец*) есть строчка:

Earl enta geveorc idlu stodon,

которая в переводе на английский звучит следующим образом: *the old creation of giants*⁴ и означает *древнее сотворение великанов*. Толкин встретил слово *ent* и упоминание об их сотворении, и у него родилась легенда об огромных людях-деревьях и об их создании валарами.

А в названии *Middle-earth* (Средиземье) Толкин использует среднеанглийское слово *midel-erde* (или *erthe*), или староанглийское *Middangeard*⁵ — название страны, населенной людьми из-за моря (как эльфах, так и людях), которые обладали большим могуществом и более развитой культурой, чем те, кто за морем никогда не был.

Я не случайно привожу те примеры, которые опираются на слова естественных языков: гораздо легче проследить путь англосаксонских или староанглийских словоформ, чем выяснять, каким образом в сознании писателя родились то или иное слово, та или иная легенда (ведь в своих письмах он пишет далеко не обо всем).

Анализировать происхождение различных слов изобретенных Толкином языков и их связь с образами и легендами «Сильмариллиона» можно очень долго (словарь квенийских и синдаринских элементов в именах и названиях содержит почти две сотни корней, каждый из которых встречается в пяти-шести, а то и в десяти словах). Данная работа включает лишь несколько самых простых примеров и цель ее — не тщательный анализ словаря эльфийских языков, а представление воззрений Толкина на проблему соотношения языка и мифа.

Литература и примечания

1. Толкин Дж. Тайный порок // Сильмариллион: Сборник / Пер. с англ. М.; СПб., 2000. С. 516.
2. Там же. С. 517.
3. Оден У.Х. В поисках героя // Сильмариллион: Сборник / Пер. с англ. М.; СПб., 2000. С. 562.
4. Tolkien J.R.R. The Letters / Ed. by C. Tolkien and H. Carpenter, Lnd., 1995. P. 208.
5. Там же. С. 220.